

Тянь Фан взяла из рук Лян Цзяньляна флягу с водой. Несмотря на то что муж выглядел измождённым, на её лице всё равно сияла радость. Тем не менее она с заботой спросила:

— Что случилось? Ты пошёл за водой, а вернулся в таком состоянии.

Она смахнула с него пыль и заметила большое мокрое пятно на спине. Дотронувшись до него, убедилась, что вода не просочилась внутрь одежды, и успокоилась.

— Снаружи две семьи подрались. Я попытался их разнять, а женщины из этих семей меня поцарапали.

Лян Цзяньлян был немного озадачен, но не слишком удивлён. В конце концов, их сын очнулся, и радость жены была естественной. Однако... Лян Цзяньлян всё же чувствовал... Как бы это сказать? Они были супругами много лет, и он хорошо её знал. Хотя у Тянь Фан было много достоинств, в нынешних обстоятельствах она обычно вела себя скромно. Кроме того, её внешность и манера поведения отличались от деревенских женщин, но в остальном она была лучше большинства жён в деревне.

Услышав его слова, Тянь Фан смутно догадалась, о каких двух семьях шла речь, но, учитывая присутствие девушки на соседней койке, ничего не сказала.

Она налила в таз горячей воды, смешала её с холодной до тёплой и дала Лян Цзяньляну умыться. Затем сняла свои нарукавники, чтобы постирать их. Однако крови, которую потерял Лян Цзивэнь, было много, и она успела просочиться в её рукава. К счастью, её было не слишком много. Кровь на нарукавниках уже засохла, и её было трудно отстирать, поэтому она оставила их замачиваться.

В больнице делать было нечего, и Тянь Фан отправилась поболтать с добродушной пожилой женщиной из палаты. Лян Цзяньлян прилёг рядом с Лян Цзивэнем, чтобы вздремнуть. Девушка на соседней койке рассеянно смотрела на них, но Лян Цзяньлян, всегда беспечный, ничего не заметил и, улёгшись у кровати, вскоре задышал ровно.

Примерно через полчаса после того, как Лян Цзяньлян уснул, Лян Цзивэнь проснулся. На лбу выступил пот — разбудила боль. Он не стал звать на помощь, так как его жизни уже ничего не угрожало. Хотя боль была сильной, она не была опасной. Если бы боли не было, это было бы хуже.

Однако... Лян Цзивэнь испытывал смешанные чувства. Хотя в этой жизни он родился в деревне, особых лишений не знал, разве что в последние годы из-за голода не хватало еды. Вспоминая страдания, которые он пережил в прошлой жизни, он чувствовал нечто странное.

В прошлой жизни мир был эпохой, где все занимались боевыми искусствами. Местные звери были похожи на здешних, но их свирепость превосходила на два-три порядка.

Лян Цзивэнь испытывал беспокойство. По неизвестной причине в этом мире заниматься боевыми искусствами было крайне сложно. Если в прошлой жизни сложность была обычной, то сейчас это был режим «ада». Он не хотел покорять мир, но желал иметь возможность защитить себя. Хотя в получении травмы была вина его собственной невнимательности, факт того, что он чуть не погиб, был неоспорим.

Однако он знал, что торопиться нельзя. Он находился в тяжёлом состоянии, и спешка могла навредить. Он подавил волнение и медленно открыл глаза.

Взгляды встретились: один — только что проснувшийся, но без сна, другой — безжизненный, но с тенью удивления.

Девушка на соседней койке, словно невзначай, отвела взгляд, но сердце её дрогнуло. Лян Цзивэнь ещё пару секунд смотрел на неё, прежде чем отвести глаза.

Внутренние органы болели сильно. Лян Цзивэнь закрыл глаза, успокоился и попытался найти в пространстве лекарство для своего текущего состояния.

Когда в его сознании возникло туманное миниатюрное 3D-пространство, сердце его дрогнуло несколько раз.

Несмотря на то что это пространство было лишь чуть больше, чем позавчера, его содержимое заставило его глаза ползть на лоб. Это было похоже на то, как если бы вчера вы положили в коробку один юань, а сегодня открыли бы её и обнаружили там миллионы купюр. Звучит преувеличенно, но на самом деле... это было ещё невероятнее.

Как уже говорилось, его семья была недружной, но богатой. Оба родителя имели семейные предприятия, и после восемнадцати лет он ежегодно получал дивиденды около миллиона. Плюс хорошие военные льготы и немалое ежемесячное пособие. Будучи одиноким, он не имел больших расходов и не придавал значения деньгам. Помимо нескольких сотен тысяч на банковском счёте для экстренных случаев, половину оставшихся денег он ежегодно жертвовал, а остальные тратил на продукты и необходимые вещи.

Он работал в секретном подразделении и часто бывал в командировках, покупая местные деликатесы, особенно те, что нравились ему. В пространстве было много еды и напитков, различные фрукты сложены в кучки, а также множество предметов искусства. Были и оружие, лекарства, инструменты для выживания в дикой природе — в общем, можно было найти что угодно. Некоторые вещи лежали там уже лет двадцать.

Однако, несмотря на обилие его вещей, сейчас их было гораздо больше. Лян Цзивэнь мысленно заглянул в один угол, где плотно стояли ящики, способные свести с ума человека с клаустрофобией. И это был лишь небольшой уголок.

Прочитав надписи на ящиках, Лян Цзивэнь догадался, откуда взялись эти вещи.

Работая в секретном подразделении, он получал важные и опасные задания. Вместе с товарищами они разделились на три группы, чтобы безопасно вернуть предметы задания в лабораторию. После того как он скрылся, его вынудили проникнуть в одну компанию, где он обнаружил, что иностранная фабрика тайно производит наркотики. После того как товарищи сообщили о завершении задания, он передал улики руководству.

Эта фабрика имела непростой бэкграунд — известная международная корпорация с поддержкой иностранной армии. После двух месяцев наблюдения он нашёл улики, но, к сожалению, спугнул их. Доказательства были отправлены, но он вместе с фабрикой был взорван вдребезги.

Несмотря на трудности, Лян Цзивэнь предполагал, что эта иностранная компания обречена, это лишь вопрос времени. Но его больше волновало не это. Событие произошло десять лет назад, в другом времени и пространстве, и теперь к нему отношения не имело.

Будучи крупной международной компанией, они занимались переработкой пищевых продуктов с широким охватом: хлеб, печенье, консервы, закуски, сушёная рыба... Всё, что угодно.

Особенно в последние годы, чтобы завоевать рынок Китая, они производили множество китайских блюд. Будучи супер-фабрикой с тремя огромными складами и функциями перевалочного пункта, если всё это было в пространстве, Лян Цзивэнь даже не мог представить, сколько там еды.

Дыхание Лян Цзивэня участилось. Даже он, обычно спокойный, хотел сейчас пробежать три дня и три ночи. Что сейчас было самым важным? Не деньги, а зерно! В эту эпоху дефицита ресурсов зерно было важнее неба.

Вдох... выдох... вдох... выдох... Лян Цзивэнь сделал несколько десятков глубоких вдохов, но не мог успокоиться, пока его движения не разбудили Лян Цзяньляна.

Лян Цзяньлян подумал, что ему больно, и вызвал врача. Врач сказал, что ничем помочь не может. Лян Цзяньлян вместе с Тянь Фан остался сторожить сына у кровати. Тянь Фан постоянно гладила его руку, словно это могло облегчить боль.

Лян Цзивэнь чувствовал и боль, и вину. Он снова заставил родителей переживать.

Он не открывал глаз, притворяясь спящим. Однако возбуждение постепенно улеглось.

Он не забыл о своей цели и быстро осмотрел пространство. Все вещи там были небольшими, крупных предметов не было, что было к лучшему — не пришлось бы расчищать место для заводских станков. Эта фабрика, ставшая его могилой, из-за своей важности была ему незнакома. Будучи образцовым предприятием, она ежемесячно подвергалась проверкам, поэтому была «чистой», и не стоило опасаться «грязи» среди этих вещей. Однако именно поэтому он не ожидал, что заговорщики пойдут на такие расходы, чтобы похоронить его вместе с фабрикой.

<http://bllate.org/book/16557/1510500>